

*Дни человека — как трава; как
цвет полевой, так он цветет.
Пройдет над ним ветер, и нет его,
и место его уже не узнает его.*

Пс. 102: 15–16

*...ибо что такое жизнь ваша?
Пар, являющийся на малое время,
а потом исчезающий.*

Иак. 4: 13–14

То, что случилось тем давним летом, я называю со-бытием.

Встречи, эпизоды, происшествия, случаи — их много в каждой человеческой жизни. А вот со-бытий — раз, два, и закончен счет. Ведь со-бытие — это появление в бытии человека незримого спутника, который оказывается рядом в особый момент, направляя течение жизни в другое русло. Зачем и почему — есть ли смысл спрашивать? Достаточно довериться и — плыть.

Мне было восемь лет, и поехали мы с тетей, добрым ангелом моей маленькой жизни, на пару недель на дачу к ее подруге, Тамаре Николаевне. Двадцать минут на электричке от центра Москвы, а потом широкой тропой сквозь светящуюся березовую рощу к дачному поселку с высоченными мачтовыми соснами, с белками, снующими по рыжим стволам, с клумбами, заросшими дивно пахнущими цветами, с гамаками, раскладушками, вынесенными на солнышко, — настоящая дорога к счастью. Огромным счастьем казалось все: и чувство переполненности жизнью, от которого я летом быстрее росла, и предвкушение игр и болтовни с Ташей, внучкой Тамары Николаевны, и ожидание встречи с мальвами, дивными цветами выше меня ростом, которые

благоухали на обширной солнечной поляне у просторного двухэтажного дома с огромными окнами.

С Ташкой мы дружили с младенчества, встречаясь, правда, не особенно часто, в основном во время каникул. Объединяла нас неумемная фантазия. Мы могли целыми днями, с утра до вечера, разыгрывать сценки из придуманной нами жизни про средневековых рыцарей, прекрасных дам, про инопланетян, захвативших планету, про сыщиков и преступников. В играх мы перемещались в безграничном пространстве наших грез совершенно свободно и непринужденно, забывая о реальности напрочь. Взрослые нам не мешали, прерывая наши самозабвенные диалоги лишь на время обеда. И еще два раза в неделю к Таше из Москвы приезжала учительница английского: языком полагалось заниматься непрерывно, иначе за каникулы все забывалось. Так считала Тамара Николаевна. А ее слово было закон. Я знала, что все это полная ерунда: ничего за каникулы не забывается и никуда из головы не девается. У меня никогда не было никаких репетиторов, что я считала проявлением особой доброты и веры в меня своей тети, заменившей мне родителей.

Как я сейчас понимаю, дело было не в доброте, а в отсутствии денег на дополнительные занятия, а то бы и мои каникулы оказались безнадежно испорчены. Так что — не в деньгах счастье, а в их отсутствии. Временами.

Летом меня всегда сопровождало чувство влюбленности в жизнь. Мне хотелось смотреть, запоминать и с каждым вдохом впитывать в себя буйную окружающую красоту. Я любила утром просыпаться в маленькой гостевой комнате, отведенной мне, и смотреть в окно на деревья, тянущиеся ветками и листвой навстречу вернувшемуся солнцу, слушать, как переговариваются птицы, придумывать новые миры, в которые мы с Ташкой попадем сразу после завтрака. Ташка стучала в стенку, мы вместе скатывались по лестнице умываться и завтракать, потому что нельзя было упускать ни минуты грядущего счастья. За поляной с мальвами находилось наше заветное место, где мы импровизировали,

понимая друг друга с полуслова. Мальвы казались мне живыми. Они смотрели на нас, когда мы углублялись в заросли. Их розовые, белые, лиловые, темно-бордовые, оранжевые цветы сулили райскую жизнь, которая когда-то обязательно настанет. Мы и не догадывались, что именно тогда находились в раю детства.

Тамара Николаевна была вдовой наркома, то есть — народного комиссара, как во времена диктатуры пролетариата называли руководителей министерств. Потом перешли на менее тревожащее наименование — министр. Но Томочкин муж до нового названия своей должности не дожил. Он был чрезвычайно порядочным человеком, и высшие силы, наблюдающие за поведением разумных существ на планете Земля, подарили ему невиданную для того времени роскошь: он умер своей смертью, безболезненной, непостыдной, мирной, во время сна. Просто — уснул и не проснулся. Мог бы, конечно, еще жить да жить, нестарый был совсем человек, пятьдесят восемь лет всего. Но близкие, скорбя, одновременно и радовались за него и за себя: столь ценимый ими отец семейства не разделил участь многих своих коллег: не был арестован, осужден, предан позору, расстрелян. Для подобного исхода в те времена требовалось действительно особое везение и какая-то высшая защита. В итоге Томочка благополучно зажила высокопоставленной вдовой. За ней оставили огромную квартиру на улице Горького, министерскую дачу, возможность лечиться в Кремлевской клинике и пользоваться разными распределителями. Она ничем этим не кичилась, достойно приняла приближение старости, седые волосы подбирала в пучок, носила скромные неприметные костюмчики, была тихой и незаметной, хотя сила в ней чувствовалась, заставляя с ней считаться.

У Томочки имелся единственный сын, ученый, на тот момент завершавший докторскую. Родители одарили его странным именем — Милен. Я в глубине души считала это имя девчачьим и совершенно не подходящим Ташиному папе: высокому, сильному, мужественному, громогласному.

Но оказалось, что имя ребенку родители дали из любви к вождям мировой революции и расшифровывалось оно «Маркс и Ленин». Все звали Ташиного отца Леня, Леонид. И только его мама любовно обращалась к нему «Милен», никогда не сокращая и не переиначивая это экзотическое имя. Милен, кстати, женился на девушке по имени Виктория, что прямо предсказывало победу идей Маркса и Ленина. Поэтому Тамара Николаевна была поначалу очень воодушевлена этим браком. Однако к десятилетию союза Милена и Виктории, родителей моей подруги Таши, в отношениях свекрови и невестки наметился некоторый разлад, о чем Тома очень любила поговорить со своей школьной подругой, моей тетей.

К моменту со-бытия мы уже гостили у Томочки неделю. День, как и все предыдущие дни, был ясным и солнечным, только далеко, на горизонте, наливались чернотой тяжелые тучи, но их запросто мог разогнать ветер. Мы только что пообедали. К Таше приехала англичанка. Они поднялись наверх, в Ташину комнату, а Томочка, Танюся и я остались за огромным овальным обеденным столом. Подруги пили чай, долго-долго, чашку за чашкой, говоря обо всем на свете. Темы возникали ниоткуда, непонятно почему, словно кружева плелись из разноцветных ниточек.

Я обожала слушать взрослые разговоры: в них было много непонятного, и я чувствовала себя в безопасности, потому что это совершенно меня не касалось. Под эти разговоры хорошо мечталось, и время ожидания Ташки пробегало незаметно, и можно было через распахнутые настежь окна любоваться мальвами, соснами с рыжими стволами, по которым, разыгравшись, сновали иногда белки.

— Тань, она мне говорит: «Тамара Николаевна, давайте размениваться, я хочу жить своей семьей», как будто я не приняла ее в СВОЮ семью! — горько посетовала Томочка.

— А Милен? — вздохнула Танюся.

— Милен все считает ерундой. Он вечно занят, ему не до того.

— Может, и правда не принимать близко к сердцу?

— Как же не принимать — квартиру она, видите ли, хочет разменять, в которую ее любезно приняли! И что — за Ташей она смотреть будет? Ведь ребенок на мне все эти годы. Мать постоянно то на собрании, то на совещании, то в командировке. Что это за своя семья у них, когда люди вместе не бывают?

— Да пусть живут как хотят, взрослые уже давно, — посоветовала Танюся.

— Хотелось бы верить, что взрослые, — махнула рукой Томочка.

Она посмотрела в мою сторону и словно очнулась. Видимо, вспомнила, что при ребенке нельзя говорить о делах семейных.

— А гроза, наверное, все-таки будет, — глянув в окно, перевела Ташкина бабушка тему разговора. — Птицы другие песни запели.

— Да, в воздухе пахнет грозой, — согласилась Танюся. — Душно стало, парит.

— Окна бы надо закрыть, — произнесла Тамара Николаевна, не поднимаясь из-за стола. — Но подождем еще, а то задохнемся в четырех стенах с закрытыми окнами.

Она посмотрела на меня, словно решая, достаточно ли ловко она ушла от прежней темы, и спросила, кивнув в сторону поляны за окном:

— А ты знаешь, как называются эти цветы?

— Конечно, — с готовностью отозвалась я. — Мальвы.

— А еще как? — требовательно глядя на меня, допытывалась Тамара Николаевна.

У наших взрослых была в те времена манера внезапно спрашивать детей о чем-то, что дети по умолчанию обязаны были знать. Например, играет по радио музыка. И вдруг — быстрый взгляд в мою сторону: «А ну-ка, что это играют? Кто композитор?» И если не знаешь или называешь не того композитора, все возмущаются: «Как же так? Ты уже должна знать! Это Шопен! Разве можно Шопена с кем-то спутать?»

К вопросу о другом названии моих любимых цветов я готова не была и честно призналась, что не знаю.

— Штокроза! — торжественно объявила Томочка. — Шток — это по-немецки палка, трость. Получается — роза на палке. Видишь, какие они высокие? Под два метра! И как разрослись! Запомнишь? Мальва — штокроза!

— Конечно! — кивнула я. — Легко запомнить!

— Запомнишь, запомнишь, — внимательно глядя на меня, повторила Томочка. — Я вот тоже все-все помню. И как учили нас в детстве, как мы уроки зубрили, помнишь, Тань? И все, что потом было... Вот, помню, как на Гелином месте Сталин сидел. Юбилей Николая Ивановича отмечали. И где все это? Одни тени остались. Словно сон. Спала — видела. А проснулась — пустота. Только тени былого...

— И тех не осталось, — возразила тетя. — Но жизнь продолжается.

Они обе вздохнули разом. А я в этот момент увидела, как вниз по стволу сосны непривычно медленно движется белка. Ярко-рыжая, она все-таки не сливалась с рыжим цветом ствола. Она словно светилась, горела, будто была и не белкой вовсе, а маленьким солнцем. Голоса Томочки и Танечки отдалились. Я перестала слышать, о чем они говорят. Я во все глаза смотрела на белку. Она вдруг отделилась от ствола и — дико в это поверить — поплыла в сторону нашего распахнутого настежь окна. Я заворуженно вглядывалась в плывущую белку, понимая, что это, конечно, никакой не пушистый зверек. В нашу сторону, светясь и переливаясь, тихо-тихо плыло светило. Маленькое, чуть больше апельсина, оно выглядело как солнышко с картинки, но почему-то внушало парализующий страх.

— Так не бывает, — подумала я. — Мне кажется.

Мне захотелось изо всех сил дунуть в сторону шара, чтобы он рассыпался в воздухе. Но я почему-то этого не сделала. И не закричала: «Посмотрите! Что это?», хотя обычно так и поступала, когда видела что-то непонятное. Не отводя глаз, я смотрела на шар. Он уже вплыл в комнату. И тут его заметили Томочка и Танечка. Они тоже застыли, оборвав

разговор на полуслове. Я краем глаза увидела, как тетя чуть подняла указательный палец. Она всегда так делала в театре или в консерватории, когда хотела, чтобы мы вели себя тихо. Этот малозаметный жест обозначал жесткий приказ: «Молчать и не двигаться!» Но я и так бы молчала. Убежать... Ах, если бы только я могла убежать! Видимо, не одна я была обездвижена при виде плывущего к нам сияющего шара. Старшие сидели не шевелясь.

Шар проплыл мимо Тамары Николаевны (она сидела ближе всех к окну, через которое он влетел) и направился ко мне. Я учуяла запах шара. Он пах свежестью грозы. «Жаль, Ташка этого не увидит! — пришла в голову лихая мысль. — Вот не повезло ей из-за этого дурацкого английского!»

Шар тем временем завис напротив меня. Я думала, прилично ли так пристально на него смотреть, не лучше ли опустить глаза. Тепла от него не шло, и он казался жидким, полупрозрачным, хотя шарообразная форма не нарушалась. Не знаю, сколько времени мы вглядывались друг в друга. Скорее всего, пару секунд, если мерить время обычными мерками. Но порой время растягивается до ощущения бесконечности. Наконец, шар поплыл в сторону тети и, ускорив движение, вылетел в другое окно.

Мы все еще сидели оцепенев, не шевелясь, не произнося ни слова. И тут я услышала голос Тамары Николаевны, хотя губы ее не шевелились:

— Боже святой, Боже крепкий, Боже бессмертный, помилуй нас!

Никогда прежде, ни от кого и нигде я не слышала этих слов. Они поразили меня своей силой. И почти одновременно с тетиной стороны донеслось:

— Господи! Ничто нас не минует!

Так она сокрушалась всегда, когда у меня поднималась температура или заболел кто-то из близких. Я слышала ее родной голос, ее привычные слова, хотя сама видела: она не произнесла ни слова.

— Что такое «Боже святой, Боже крепкий, Боже бессмертный»? — спросила я. По-настоящему, громко спросила.

И тут все будто очнулись.

Тета ринулась закрывать окна. А Томочка стала мелко крестить область сердца.

— Что такое «Боже святой»? — повторила я.

— Откуда ты это взяла? — осторожно произнесла Томочка.

— От вас услышала! — отчаянно воскликнула я.

— От меня? Но я слова не произнесла! — Тамара Николаевна казалась ошарашенной. Такого смятения на ее лице я никогда не видела.

— Но вы же сказали! Внутри себя! — настаивала я. — А Танюся сказала: «Господи, ничто нас не минует!»

— Этого нам только не хватало! — с отчаянием воскликнула Томочка.

Но она сумела мгновенно мобилизовать всю отточенную годами дисциплину и добавила своим обычным «просветительским» голосом, которым недавно повествовала о другом названии цветов на поляне:

— Ты услышала слова молитвы.

— Но Бога нет! — повторила я то, чему нас упорно, изо дня в день учили в школе.

— А молитвы — есть, — с силой произнесла Тамара Николаевна. И замолчала.

Мне нечего было возразить. Я впервые в жизни услышала молитву и ощутила ее непостижимую мощь.

— Шаровая молния! Невероятно! И это нас не миновало! — Танюся наконец закрыла все окна и, подойдя ко мне, обняла меня за плечи. Я обрадовалась ее близости и теплу.

— Могло быть и хуже! — встряхнула седой головой Томочка. — У нас дома при первом приближении грозы все окна закрывали. А мы тут расселись, как в кино.

— И не говори, — поддержала Танечка. — Вот нам кино и устроили. Но кому рассказать — не поверят. Я закричать хотела: «Геля, не двигайся!», а слова вымолвить не могла.

— Чудо, что все так обошлось! — недоверчиво проговорила Томочка.

Издалека слышались раскаты грома. Ясный день померк. Гроза стремительно приближалась.

Со второго этажа спустились Ташка с англичанкой. Мы, героические свидетели пришествия Огненного Шара, принялись наперебой рассказывать, что тут у нас случилось, пока они занимались. Ташка неимоверно завидовала. Англичанка ужасалась и рассказывала жуткие случаи про шаровую молнию и причиненный ею урон. От нее мы узнали про огромный, два метра в поперечнике, огненный шар, влетевший в церковь небольшой деревушки английского графства Девон. Шар давно канувшего в Лету XVII века вел себя не так мирно, как наш недавний гость. Тот шаровеликан стал метаться между стенами храма, выбил несколько громадных камней из стен и могучие дубовые деревянные балки, разбил скамейки, окна, потом разделился надвое. Один из них разбил окно и вылетел наружу, а второй, побушевав и убив при этом несколько человек, исчез где-то под потолком. Смертельно испуганные прихожане решили, что их постигла кара Господня за то, что два не особо рьяных посетителя резались в карты во время службы.

Нет, наш шар вел себя совершенно иначе! Он никого не собирался наказывать. Да и за что? Сидели себе тихо двое взрослых и ребенок, говорили неспешно. Хотя кто его знает. Мало ли что шару захотелось бы. Нам не дано предугадать, кому и за что достанется в следующий миг.

Обсудив происшествие со всех сторон, отыскав в недрах памяти разнообразные варианты возможного поворота событий в случае дурного настроения нашего солнечного шара, все с новой силой взялись пить чай с пряниками и пастилой. Дождь лил как из ведра. За окнами из-за потоков воды не было видно ни сосен, ни мальв. Мы будто плыли по морским волнам на корабле. И мне ужасно захотелось спать. Я попросилась уйти к себе в комнату, улеглась, уснула и проспала до утра. А утром снова солнышко смотрело в окно и пели птички. Будто вчерашняя гроза во сне привиделась.

Ташка все оставшееся нам на даче совместное время расспрашивала меня о том, что я думала и чувствовала, когда поняла, что к нам летит не белка, а что-то совсем фантастическое. Я старательно повторяла свой рассказ, пока мне это окончательно не надоело. Взрослые про шаровую молнию больше не вспоминали. Во всяком случае, при нас. Тогда было принято беречь детские нервы. Да и зачем говорить лишнее? Было — и прошло. Хотя...

...Хотя огненный шар, кажется, оставил мне на память свой дар. Я до сих пор отчетливо слышу, что произносит внутренний голос человека. Я даже могу вступить с ним в мысленный диалог, если очень этого захочу. Признаюсь, я всю пользовалась этим в школе, в тот самый момент, когда в гнетущей тишине раздавались слова учителя:

— Так... К доске пойдет...

Услышав внутренний голос педагога, произносящий мою фамилию, я мысленно внушала: «Нет, зачем? Она недавно отвечала»... И меня никогда не вызывали к доске, если я этого не хотела!

На экзаменах я всегда вытаскивала свой заветный билет. Стоило мне подумать о ком-то, человек объявлялся. Я знала, можно ли доверять человеку и из чего он состоит. Это не спасало от боли. Как не спасает от боли и не удивляет умение видеть и слышать, хотя ведь и этот великий дар не каждому дается. Да! Это не спасает от боли, но придает жизни особую остроту. И так иногда хочется ошибиться! Сказать себе: «Знаешь, давай будем считать, что на этот раз ты не так все услышала. Или не так поняла. Плюнь и забудь. Человек может поменяться к лучшему, когда почувствует твоё тепло и любовь».

Что происходит, когда не слушаешь себя, это уже совсем другая история, сияющая всеми цветами радуги, заставляющая плакать и смеяться.

А еще — с той поры я поняла, что жизнь наполнена огромным, неведомым человеку до поры смыслом, а может, и не до поры, а вовсе неведомым, но при этом жизнь ждет от тебя упрямства и воли отыскать этот смысл, таящийся

в каждом миге. Главное — не опускать глаза и не оставлять стараний.

То лето закончилось, хотя и стало частью нашей жизни. Очень важной страницей в книге судьбы.

А кстати — кто ее пишет, эту книгу? Понятное дело, что место и время собственного рождения выбирала не я, как и все остальное, относящееся к исходной данности, с которой человек приходит в этот мир. Но чем диктуются какие-то поступки человека, спонтанные, не спланированные заранее? Вот, к примеру, вспомнилась история, свидетельствующая о том, что все самое основное сидит в нас с самого рождения.

В нашем детском саду проходило прощание со старшей группой.

Старшая группа — это были мы. (Тогда про детсадовцев не говорили, что у них выпускной.) Дело было летом, на детсадовской даче. Приехали родители. А мы, гордые и практически взрослые, представляли спектакль. Я точно не помню название, что-то вроде «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Сюжет, известный каждому. Иванушка куда-то запропал, Аленушка его ищет, бежит, спрашивает у всех, не видел ли кто братца.

Помните? У яблоньки, у печки... Ролей много, почти на всех в группе хватило. Я была яблоней. Мне очень нравилась моя роль. Я ее воспринимала как неизбежное зло. Не участвовать не получилось бы. И в любом случае — Яблоня лучше, чем Баба-яга. А стоя на дощатом настиле, среди настоящих деревьев и настоящей травы, приятно было чувствовать себя таким же деревом, как и те, что возвышались вокруг.

Роль моя была мала.

— Яблонька, не видела ли ты моего братца Иванушку?

— Съешь яблочко, тогда скажу.